

Дамблдор, казалось, почувствовал ход его мыслей, поднял голову и встретился с ним взглядом:

— Ох, Вил, ты должен это съесть, нельзя быть привередливым в еде.

Он, конечно, знал, что Овини терпеть не может тыкву, но ничего не поделаешь — тому придется привыкнуть.

Дамблдор специально постучал кончиком зажатого в руке пера по тыквенной каше, стоявшей перед мальчиком.

Вил давал понять, что есть он не хочет, совсем не хочет, ни капельки. Эта тыква была создана лишь для того, чтобы его мучить.

Заметив сопротивление со стороны своего хозяина, маленький светящийся шар подлетел ближе:

— Хозяин, так дело не пойдет, — с этими словами он извлек изнутри самого себя табличку с ярко-красным крестом и поднес прямо к его лицу.

Овини не хотелось разговаривать. Сейчас ему хотелось лишь отшлепать этот светящийся шарик. Он, разумеется, понимал, что перебирать едой — плохо, но выносить даже малейший намек на вкус тыквы был не в силах.

— Есть ли способ заглушить вкусовые рецепторы?

Сяо У ответил без малейшего колебания:

— Нет.

Овини едва не расплакался, он чувствовал себя совершенно разбитым.

Сяо У смотрел на него и мысленно вздыхал. Его хозяин был хорош во всем, за исключением одного: он наотрез отказывался есть тыкву. Ни в каком виде — ни в виде тыквенных лепешек, ни тыквенного супа, ни тыквенной каши, ни рулетов, ни тыквенного чизкейка. К этой пище он даже пальцем прикоснуться не желал.

И хотя он немного обманул своего хозяина, разве это имело значение? Дети ведь такие — быстро все забывают, а здоровье хозяина важнее всего на свете.

Не имея никакого выхода, Овини с видом человека, идущего на смертный бой, быстро закинул в рот ложку тыквенной каши.

Если вспомнить, когда именно обнаружилась его неприязнь к тыкве, то это началось еще в

пять месяцев, когда он впервые попробовал прикорм.

Второй разновидностью прикорма как раз и была тыквенная каша. Едва эта липкая масса попала в рот, как он тут же выплюнул ее, даже не успев проглотить.

С тех пор каждый преподаватель знал, что он на дух не переносит тыкву.

Овини торопливо закинул в рот пару кусочков яблока, чтобы перебить этот странный привкус.

И лишь затем принялся за свое любимое морковное пюре. В пюре было добавлено молоко, благодаря чему его текстура становилась еще более шелковистой и нежной.

По правде говоря, эта трапеза была бы идеальной, если бы не та проклятая тыквенная каша, — вздохнул про себя Овини.

Следом за этим раздался громкий сытый ик.

Заметив, что мальчик поел, Дамблдор лениво взмахнул рукой, и пустая посуда мгновенно исчезла.

Директор подхватил его на руки, усадил на застеленную ковром зону для игр, а затем поманил рукой Фоукса, подзывая феникса помочь малышу переварить обед.

Вообще-то Овини очень нравился Фоукс, особенно его перья.

Малыш быстро отвлекся, и неприятный вкус тыквенной каши окончательно забылся. Видя это, Дамблдор перестал обращать внимание на радостно улыбающегося Овини и снова повернулся к бумагам, которые принесли совы.

Казалось, вопросы воспитания Овини волновали его меньше всего на свете.

Глядя на директора, Сяо У не удержалось от того, чтобы выразить свое недоумение. Его круглое тельце никак не могло взять в толк: почему этот старик совершенно не заботится об образовании Овини? Уж не раскрыл ли он что-то? Но ведь хозяин никогда не выполнял никаких заданий.

Оно не знало лишь одного: ожерелье на шее Овини помогало лишь подавлять пробивающуюся магическую силу, но не было всемогущим. Дамблдор уже обоснованно подозревал, что рядом с Овини наверняка находится нечто неведомое, оказывающее ему помощь.

А маленький системный помощник, уже осведомленный о сюжете, мысленно отмечал, что этот

старик мастерски плетет интриги.

Пока не станет ясно, что именно у того на уме, лучше не предпринимать опрометчивых шагов. Впрочем, сам Овини обо всем этом не догадывался.

— Ладно, в конце концов, наша главная задача здесь вовсе не в том, чтобы заигрывать с ним, — маленький светящийся шар даже не заметил, как за его спиной тот самый старик, о котором он только что говорил, задумчиво и пристально смотрит на его хозяина.

Тот был полностью поглощен тем, как его хозяин учится ходить, пытаясь поймать машущего крыльями в воздухе Фоукса.

В мгновение ока наступило шесть часов вечера. Поскольку утром Овини уснул, из-за чего ученики разошлись по классам, преподаватели перенесли праздник по случаю дня рождения на вечер.

Расписание учеников было спланировано до мелочей: еще утром несколько осмелевших гриффиндорцев бегали к профессорах с расспросами, удастся ли им увидеть Овини вечером.

Получив утвердительный ответ, они пребывали в состоянии непрерывного возбуждения, которое не спадало вплоть до самого начала праздника.

Дамблдор отложил перо, взял Овини на руки и направился в празднично украшенный Большой зал. Хотя убранство мало отличалось от утреннего, главным отличием были горы подарков и черная фигура в профессорской ложе.

Будучи опекуном Овини, Снейп не имел причин не явиться. И хотя он вполне мог отказаться, он все же пришел.

Сначала малыш просто лежал на плече у Дамблдора и от нечего делать теребил собственные пальчики.

— Хозяин, хозяин! Оглянись и посмотри, кто сидит в профессорской ложе! — крик Сяо У вернул его к реальности.

— В профессорской ложе сидит профессор, кто же еще? Не профессор же Снейп!

Овини отказывался в это верить, тем более что Снейп в то время еще официально не занял пост декана Слизерина и преподавателя зельеварения.

Почувствовав неладное, Овини все же обернулся и бросил взгляд в ту сторону. Когда он увидел знакомый силуэт в черной мантии, он замер.

Проследив за взглядом Овини, Дамблдор с безмятежной и беспомощной улыбкой посмотрел на эту фигуру.

Этот ребенок провел с Северусом всего несколько дней, а уже так к нему привязался.

Он поднес малыша и опустил прямо перед Снейпом.

— Се.....веру...ус, — Овини изо всех сил пытался сложить слова, пара звуков едва не довели ребенка до слез.

Он протянул ручки, отчаянно пытаясь ухватиться за Снейпа, пухлые детские ладошки с трудом тянулись вперед, а в глаза стояла чистая обида.

Даже сам Снейп никак не ожидал, что ребенок, с которым он общался меньше суток, станет настолько сильно от него зависеть.

Впрочем, сейчас Снейп действительно не мог взять его на руки: боли от недавно перенесенного Круциатуса еще не прошли, а раны на теле не затянулись.

По правде говоря, Снейп до сих пор не знал, как относиться к этому первому появившемуся после его перерождения велению судьбы. Хотя он и считался переменной величиной, пока что он оставался всего лишь ребенком.

— Тц-тц-тц, поверь мне, еще распробуешь, потом за уши не оттащишь, — маленький светящийся шар не обращал внимания на хозяина, порхая среди горок сладостей и то и дело отвечивая комплименты симпатичным девочкам.

Правда, видеть его никто не мог.

Овини обиженно уставился на него, губы задрожали, грозя вот-вот расплакаться, а глаза покраснели.

— Вил, что случилось? — раздался встревоженный голос профессора Макгонагалл. Подойдя к профессорскому столу и увидев готового заплакать Овини, она бросила свирепый взгляд на Дамблдора.

Директор выразительно развел руками, показывая свою полную невиновность.

Вскоре малыша уже передали на руки профессору Макгонагалл. Заглянув за его плечо и заметив Снейпа, она удивленно замерла.

— Северус? Похоже, Вил хочет, чтобы ты его взял.

— М-м-м, хрум-хрум-хрум, точно, хрум-хрум-хрум, — Сяо У продолжало уплетать угощения, созерцая происходящее с полным умиротворением.

И помогать своему хозяину оно явно не собиралось.

— У-у-у-а-а-а... У-у-у-у-у... — детский плач раскатился под самыми сводами зала, разрывая сердце державшей его профессора Макгонагалл.

Сидевшие внизу ученики тут же перевели взгляды на происходящее и зашущукались, но сильнее всего этот удар пришелся по сидевшему перед ним Снейпу.

У Снейпа в висках отчаянно запульсировало, и ему не оставалось ничего другого, кроме как взять плачущего ребенка на руки.

Овини, оказавшись в объятиях Снейпа, еще толком не осознал, у кого на ручках он очутился.

Холодный и суровый Снейп совершенно не представлял, как нужно успокаивать детей.

<http://bllate.org/book/21847/2265531>